

ДЕНЬ КАК КОНКРЕТНО-РЕАЛЬНОЕ ПОНЯТИЕ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Даяндорж Алтанцэцэг

доцент кафедры английского языка Монгольского государственного
университета науки и технологии
(г. Улаанбаатар, Монголия)

При чтении памятников древней литературы можно убедиться в правоте тех современных ученых (прежде всего В.В. Колесова), которые в языке видят условие, способ и результат освоения мира человеком, т. е. феномен, обеспечивающий цельность миробития. Согласно данному подходу к языку, мы в качестве рабочей в нашем исследовании принимаем когнитивно-ментальную концепцию языка. Для исследования привлекались разножанровые произведения на древнерусском языке: «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет», «Учение имже ведати человеку числа всех лет».

Ключевые слова: древнерусский язык, день, конкретно-реальное понятие, когнитивно-ментальная концепция.

When reading the monuments of ancient literature, you can see that those modern scholars (primarily V.V. Kolesov) – who find in the language the condition, method and result of the development of the world by man, i.e., the phenomenon that ensures the integrity of the world – are right. According to this approach to the language, we take the cognitive-mental concept of the language as the working one in our study.

Keywords: ancient Russian language, day, concrete-real concept, cognitive-mental concept.

В основе русского летоисчисления лежали круговорот луны и солнца, биокосмические ритмы и природно-космогонический творческий акт. Согласно им строилась вся жизнь Древней Руси: хозяйственная, трудовая и прочая. В связи с этим, миры физической и нефизической природы, материальной и духовной жизни соединились и создавали целостную картину мира.

Все это в целом нашло отражение в содержании временной лексики, которая концептуализировала окружающий мир и взаимодействие с ним человека. Наиболее ярко прослеживается данное положение в содержании и функционировании самой распространенной в древнерусских памятниках темпоремы (концепта) «день» (если опираться на словарь-тезаурус = 10.000).

Рассматриваемая нами лексема, по данным этимологических словарей, происходит от лат. dies, Диана – «богиня света и жизни». А. Мейе, К. Бругман, А. Преображенский, М. Фасмер и другие связывают слово с индоевропейским корнем di – «светить».

Прасл. *dънь и родственные его соответствия обозначали светлую часть суток, а в некоторых языках – «светлый день». Многочисленны индоевропейские параллели: др.-инд. dina, лит. diena, лат. Nundinae – «9-ый день, базарный день», арм. tiv – «светлый, белый день». В ряде языков *день* обозначал праздник, «благовещенье», с другой стороны, в с.-хрв. dâ – «день» также мера площади пахоты (ср. также диал. «мера оплаты пастушьего труда»). Нельзя не отметить этимологическую близость темпоремы с *зарей*: *заря, зорок, зрю, зьрити* (ср. лит. zegėti, zгіu – «опять светить»).

В исторических словарях фактически не наблюдаются расхождения в семантике слова *день*. В Словаре древнерусского языка И. И. Срезневского мы находим более широкое представление значения лексемы с учетом его сакральной характеристики: *сутки, светлое время суток, время суток, время, пора, жизнь, погода*.

Несомненно, темпорема *день* в древнерусском языке явилась тем фокусом, в котором произошло соединение языческого (природного) понимания времени и смоделированного христианского времени. При этом сыграли роль два обстоятельства: 1) слово «день» как временная категория отражает самое близкое, конкретно-реальное понятие; 2) средневековая христианская философия трактовала день как «свет», который сотворил Господь в противоположность дохристианской тьме [1, с. 99]. В то же время именно в этой лексической единице язык первоначально начинает структурировать реальное время.

В изучаемых нами памятниках древнерусского языка частотность ее употребления связывалась с жанром и объемом памятника.

Так, в «Слове о полку Игореве» лексема *день* употреблена лишь 4 раза в словосочетаниях: *другаго дни* [3, с. 10], *бишася день* [3, с. 11], *третьяго дни* [3, с. 11], *въ день* [3, с. 11] (в переводе Д.С. Лихачева она выступает 8 раз).

Интерес вызывает тот факт, что из 4 случаев использования лексемы мы находим употребление лексемы с числом *три*: *Бишася день, бишася другый; третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы* [3, с. 11]. /Ср. *Бились*

день, бились другой, **на третий день** к полудню пали стяги Игоревы! Вполне очевидно, что перед нами *день-событие*. Неслучайно в художественном шедевре используется символика числа *три*, особенно значимого в древних художественных эпических произведениях. В качестве части дня в памятнике слово *полдень* выступает 2 раза, *утро* 3 раза, *вечер* 5 раз.

В «Учении Кирика Новгородца» лексема содержится в синтагмах: *до се дни, дни избыточные, единь днь* и т. д. В научном рассуждении ученого Древней Руси (XII в.) используется формула, которая имела терминологическое значение: *дни избыточные* в значении *високосные дни*.

В «Повести временных лет» летопись обрела наивысшую степень художественности. Это выражено и богатым варьированием употребления временной лексики, наличием большого количества темпоральных формул.

В исследуемом литературном памятнике насчитывается 238 случаев употребления лексемы *день*. В общем количестве из рассмотренных нами темпорем данная лексема идет второй после лексемы *лето* по частотности употребления. Причем анализируемая нами лексема выступает в самых разных формулах: *по вся дни* [4, с. 12] в значении «постоянно»; *до сего дне* [4, с. 13] – «доныне»; *до днешнего дне* [4, с. 17] – «по нынешний день»; *вся дни живота своего* [4, с. 62] – «все дни твоей жизни»; *въ той же день* [4, с. 74] – «в тот же день»; *во оны дни* [4, с. 81] – «в те дни»; *день от дне* [4, с. 82] – «со дня на день»; *в ноци и въ дне* [4, с. 102] – «ночью и днем»; *и не по мнозѣхъ днехъ* [4, с. 105] – «и немного дней спустя»; *в во ины дни* [4, с. 123] – «в остальные дни»; *преже днемь единѣмъ* [4, с. 138] – «за день»; *мя сихъ днєвъ* [4, с. 153] – «до этих дней»; *мало дний* [4, с. 157] – «немного дней» и т. д.

Такие формулы, как *в оны дни, дни живота, не по мнозѣхъ днехъ, день от дне*, которые представлены в «Повести...», являлись каноническими и имели ритуально-традиционный характер. Формулы типа *по вся дни* рождались на русской почве, о чем свидетельствует их наличие в говорах.

Подобные формулы, в отличие от канонических, отражали процесс восприятия реального времени и освоения временных параметров. Богатая вариативность подобных формул свидетельствует о поисках новой формы для выделившегося из первоначальной синкретной единицы значения. Показательно в этом отношении развитие формулы *день и ноць* в значении «постоянно»: *Феодосий же моляше бога за нь, и молитву творяще над нимъ день и ноць* [4, с. 129]. /*Феодосий же молился Богу за него и молитву творил над нимъ день и ноць!* (ср. дневная и ночная молитвы).

В данном литературном памятнике лишь в единичных случаях *день* заменяет темпорему *сутки*: *Пришедшоу Моисеви, не послуша его фараонь,*

*и попусти богъ 10 казний на фараона: ... 9) тьма 3 дни... [4, с. 66] /Когда пришел Моисей, не послушал его фараон, и напустил Бог на него 10 казней: ... в девярых, **трехсуточная тьма!***

С принятием христианства на Русь пришел календарь в виде святцев, которые регламентировали ежедневную жизнь русского крестьянина. Можно сказать, что каждый день получал освещение. Свет-день смыкался с радостью бытия и экзистенции в целом, в том числе и обычный. Каждый день воспринимался как дар свыше.

Жизнь мерилась днем, что и подтверждается наличием примеров в «Повести...»: *И рече богъ: «Проклята земля в делехъ твоихъ, и в печали яси **вся дни живота своего**» [4, с. 62] / И сказал Бог: «Проклята земля за твои дела, в печали будешь насыщаться **все дни твоей жизни!**»/.*

В памятнике **день** выступает в значении «жизнь», в отличие от монгольской лексемы **өдөр** – «день»: *Мужъ въ крови льстивъ не приловить **дний своих*** [4, с. 55]. */Муж скорый на кровопролитие и коварный не проживет и половины **дней своих!***

Символика числа *три* также значима в «Повести...», как и в «Слове»: *И возлюби Израиля, и идоша от моря **3 дни** по пустыни, и придоша в Мерень* [4, с. 67]. */ И возлюбил Бог Израиля, и шли они от моря **три дня** по пустыне, и пришли в Мерру/.*

*Онъ же въ **3-й день** воскрес* [4, с. 72]. */Он же воскрес на **третий день!***

Пословицы *день пришел, так и есть принес; даст бог день, даст бог пищу; было бы счастье, а дни впереди; дай бог счастливо день дневать, ночь ночевать; был бы жив, а дни будут* и т. д. свидетельствуют о том, что человек средневековья жил днем.

Ярко выражается сакральность в формуле *день судный*: *О семь свершается любы, да достоянье имам **в день судный**, да еко же онъ есть, и мы есмы в мире семь* [4, с. 134] */Так совершается любовь, чтобы имели мы что **в день судный**, чтобы и мы на свете этом были такие же, как он/.*

Если *день* подобно *году* изначально являлся атрибутом, то с помощью количественно-выделительного суффикса появлялось слово со значением «цельный день» как предметность, то есть светлая часть суток. Если исходить из общего значения *дня*, то производное *дьнина* (мн.ч) можно рассматривать как слово с конкретно-предметным значением, образованным с помощью выделительного суффикса *-ина*. Благодаря суффиксу *-ище* появляется *днище* со значением «длина пути», что подтверждает мысль о расхождении пространства и времени в самостоятельные из первоначально пространственно-временных единиц, к каким относилось и слово *день* (в совр. гов. «день пути» Д., 1, 441)

Таким образом, как показал анализ представленных литературных памятников, развитие семантических процессов в микрогруппе *день* и производных шло разными путями, захватывало разные языковые уровни (слово-синтагма-формула) и отражало многие типичные процессы языковой семантики древнерусского языка.

Литература

1. Звездава, Г.В. Русская именная темпоральность в историческом и функциональном аспектах / Г.В. Звездава. – Воронеж : Издательство Воронеж. университета, 1996. – С. 99.
2. Колесов, В.В. Семантический синкретизм как категория языка / В.В. Колесов // Вестник Ленингр. ун-та. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. – Вып. 2. – 1991. – № 9. – С. 40–49.
3. Слово о плъку Игореве, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» : в 5 т. / Рос. АН, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); [редкол.: О. В. Творогов (отв. ред.) и др.]. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. – Т. 1. – С. 9–14.
4. Повесть временных лет : в 2 ч. / пер. Д.С. Лихачева. – М.–Л. : АН СССР, 1950. – Ч. 1. – 450 с.
5. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст] : в 4 т. / Макс Фасмер ; пер. с нем и доп. члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева ; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986–1987. – Т. 1 : (А–Д). – 1986. – 573 с.